

ПЕРВЫЕ ШАГИ РОССИИ К СВЕТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 558 с. (Рецензенты: д-р ист. наук В.В. Журавлев, д-р ист. наук М.В. Зеленев, канд. ист. наук И.И. Кудрявцев, канд. юрид. наук Н.В. Кроткова)

© 2019 г. О. В. Мартышин

Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2019 г.

В рецензии на сборник документов «Конфессиональная политика Временного правительства России», составителем которого является М.А. Бабкин — известный специалист по истории церковно-государственных отношений в России, обращено внимание на ценность данной публикации. Рецензируемое издание представляет собой не механическое соединение документов, расположенных в хронологическом порядке, а подлинно научное, тщательное и глубокое исследование, автор которого предпочел остаться в тени, чтобы дать читателю возможность выводить собственные заключения. Работа А.М. Бабкина заинтересует не только специалистов и любителей истории. Это — весомый вклад в обсуждение проблемы светского государства, приобретшей в последние годы остроту в Российской Федерации.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Временное правительство России, религия, государство, церковь.

DOI: 10.31857/S013207690004669-7

Юбилейные даты повысили интерес к событиям столетней давности. К числу ценных публикаций, появившихся в этой связи, относится рецензируемый сборник. Его составитель — известный специалист по истории церковно-государственных отношений в России, автор монографии «Священство и Царство»¹ и серии статей в научных журналах и популярных средствах массовой информации («Независимая газета»). Книга представляет собой плод длительной и кропотливой исследовательской работы. Материал тщательно подобран, систематизирован и подробно прокомментирован. Обширный справочный, пояснительный материал очень удобно расположен, читатель избавлен от утомительных поисков его в особых разделах книги.

Сборник состоит из двух неравных по объему разделов и приложений. Первый раздел включает постановления Временного правительства и иные материалы по вопросам, общим для всех конфессий или их групп (с. 57–171). Второй посвящен мерам, касающимся отдельных вероисповеданий (с. 172–438). Население царской России по вероисповеданию делилось на православных, инославных, сектантов и иноверцев. Второй раздел книги построен в соответствии

с этой традицией. Он содержит постановления Временного правительства и информацию, связанную с их подготовкой, реализацией, а также реакцией, которую они вызывали в обществе, касающиеся православных (Православная российская церковь², Грузинская церковь, Старообрядчество), инославных (Римско-католическая церковь, Армянская апостольская церковь), сектантов (подразделявшихся на меннонитов, скопцов, баптистов, евангельских христиан, духоборов и проч.) и иноверцев (мусульмане, иудеи, караимы, буддисты). По каждой деноминации даются подробные документированные сведения об эволюции их правового статуса в дореволюционной России, и это позволяет уяснить значение преобразований, провозглашенных Временным правительством. Его миссия в рассматриваемой области в значительной мере сводилась к отмене антидемократических норм, действовавших в дореволюционной России. Составитель сборника в примечаниях приводит все эти нормы или раскрывает их содержание, помогая читателям разобраться в существе дела.

¹ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011.

² Автор отмечает, что у «государствующей» в России Церкви не существовало официального, юридически зафиксированного наименования (с. 10), и предпочитает этот вариант принятому ныне названию «Русская Православная Церковь».

Наряду с постановлениями публикуются архивные материалы, в частности законопроекты, подготовленные министрами (некоторые из них так и не были приняты), переписка членов и аппарата Временного правительства, их публичные выступления, обращения религиозных организаций к правительству, выдержки из периодической печати, программные заявления политических партий и т.п. Большинство документов вводится в научный оборот впервые.

Судьба Временного правительства трагична и едва ли могла быть иной. Группа умеренных либералов, склонных к компромиссу, приходит к власти с колоссальным историческим опозданием, вызванным неспособностью и нежеланием самодержавия провести необходимые политические преобразования. Принадлежа к парламентской оппозиции и резко критикуя царскую систему (что и привело к роспуску IV Государственной думы), будущие члены Временного правительства не боролись в прямом смысле этого слова за верховную власть. Она досталась им неожиданно в результате стихийных народных выступлений и бессилия царизма. Беспомощность механизма власти — наследство, в которое Временное правительство вступило. Огромный энтузиазм, охвативший столицы и крупнейшие города империи в связи с падением самодержавия и внезапно обретенной свободой, не превратился в созидательную энергию. К тому же этот энтузиазм быстро иссякал и уступал место будничной борьбе интересов.

Либерализм жизнеспособен в условиях стабильности и благополучия. Временное правительство оказалось у власти в ситуации глубочайшего двойного кризиса: внутреннего (копившиеся десятилетиями социально-экономические и политические противоречия) и внешнего (кровавопрлитная, затянувшаяся, безрезультатная и бессмысленная мировая война). У членов Временного правительства были ясные представления о том, какой политический строй мог бы обеспечить в будущем при нормальных условиях процветание России, но не было никакого представления о том, как вывести Россию из кризиса, кроме, может быть, мечты о победах на фронте, т.е. не было никакой стратегии немедленного действия, решения вопросов, не терпящих отлагательства. Таковы обстоятельства, обрекшие Временное правительство на поражение. Оно было несвоевременно, запоздало, исторический процесс его обогнал. «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано» — эти Некрасовские строки вполне могли бы служить девизом короткой истории Временного правительства. Многие это чувствовали. По свидетельству современника, Л.И. Петражицкий, служивший после Февраля в одном из департаментов Сената, говорил: «Что толку в работе, когда все потеряно».

Конфессиональная политика представляет собой своего рода исключение в деятельности Временного правительства в том смысле, что в ней наблюдалась целеустремленность и даже решительность, которые полностью отсутствовали в подходах к не менее, а может быть, и более актуальным рабочему или земельному (крестьянскому) вопросам. Последние откладывались на будущее под предлогом необходимости рассмотрения в Учредительном собрании. Изменение отношений между церковью и государством, теснейшим образом связанных с характером политической системы, рассматривалось в качестве одного из первых шагов демократической революции, причем не столь рискованных, так как они затрагивали глубинные интересы участников политического процесса в меньшей мере, чем проекты решения коренных социально-экономических проблем.

Члены Временного правительства видели свою миссию в этой сфере в упразднении всех ограничений в правах, установленных царизмом на религиозной почве, и обеспечении свободного развития всех религиозных объединений, в том числе и в первую очередь Православной церкви, которая, будучи фактически и по закону господствующей, являлась одним из государственных ведомств. Постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» гласило: «Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило:

Все установленные действующими законами ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются» (с. 60).

В предисловии к книге М.А. Бабкин отмечает противоречия в конфессиональной политике Временного правительства: «С одной стороны, властью говорилось о “внеконфессиональности” государства с вытекающими из него принципами равенства всех вероисповеданий, автономности существования светской и религиозных сфер, материальной поддержки государством всех конфессий, снятия с духовенства всех функций государственных органов и проч. С другой — по большому счету неизменным оставался институт государственной церкви, у ПРЦ сохранялся ряд привилегий... Более того, Временное правительство не только считало себя облеченным, по существу, теми же полномочиями, что и императорская власть, но и действовало соответствующим образом» (с. 38, 39). В самом деле, В.Н. Львов, назначенный обер-прокурором Святейшего синода на правах министра Временного правительства, 4 марта на заседании Синода говорил об освобождении Православной церкви от опеки государства, но 7 марта там же объяснил, что «Временное правительство считает себя облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах» (с. 176). В качестве отступления от принципа равенства конфессий приводится сохранение (до 5 августа 1917 г., когда одновременно с упразднением должности обер-прокурора Св. синода было создано Министерство исповеданий) старой системы управления религиозными делами (Синод — для православных, департамент Министерства внутренних дел — для инославных и иноверных), а также требование, чтобы посты министра вероисповеданий и двух его заместителей занимали православные.

Последнее правило, введенное новым составом Временного правительства, возглавленного 24 июля 1917 г. А.Ф. Керенским (обер-прокурором Св. синода вместо В.Н. Львова был назначен его заместитель В.Н. Карташев, ставший 5 августа министром вероисповеданий), по мнению М.А. Бабкина, свидетельствовало о корректировке конфессиональной политики Временного правительства: оно «пошло на сближение с ПРЦ, очевидно, желая найти в ней своего политического союзника в условиях, когда маятник общественных настроений после июльских событий в Петрограде ненадолго качнулся вправо» (с. 28).

Однако отклонениям Временного правительства (принципиальным или тактическим) от курса на равенство всех религий и «внеконфессиональное» государство можно дать и иное объяснение. Действительные или кажущиеся колебания новой власти имели основания.

Временное правительство, особенно в его первом составе, состояло не из радикалов, стремившихся разрушить старый мир «до основания», а из людей умеренных взглядов, убежденных реформистов. Не были они и атеистами и уж во всяком случае не афишировали принадлежности к этому мировоззрению и не связывали с ним своей политической линии. Падение самодержавия поставило Временное правительство в очень своеобразные отношения с господствующей церковью. Для них характерно не противостояние, не борьба, а частичное совпадение интересов, создававшее почву для некоторого взаимопонимания и сотрудничества. В этом — принципиальное отличие условий, в которых действовало Временное правительство, от ситуации, с которой столкнулись, а в каком-то смысле и создали её сами большевики.

Важным фактором религиозной жизни России между февралем и октябрём 1917 г. стало отношение руководства Православной церкви к кризису самодержавия. В монографии «Священство и Царство» М.А. Бабкин, отметив, что в начале 1917 г. в России были люди, выступавшие как за свержение самодержавия, так и за его сохранение, пишет: «Были и третьи, которые выжидали исхода борьбы. К ним относились, в частности, иерархи Православной российской церкви»³. Что православная иерархия составляла неотъемлемую часть царского режима, служила его идеологической опорой и оправданием, представляется очевидным. Это не означает, что у неё не было своих интересов, ущемлявшихся самодержавием, а значит, и обид. Для верхушки церковной иерархии застарелой, но всё ещё ноющей время от времени раной были упразднение при Петре I патриаршества и полное подчинение бюрократическому контролю. В эпоху Первой русской революции вопрос о восстановлении патриаршества был поставлен, но так и остался неразрешённым. Политический кризис позволил к нему вернуться. Отклонив предложение обер-прокурора Н.П. Раева осудить революционное движение, сделанное 27 февраля, признав «благочестивое Временное правительство» как законную новую власть, Синод, по существу, предлагал ей поддержку и сотрудничество в надежде (или на условии) предоставления церкви свободы путем упразднения должности обер-прокурора. Было бы странно ожидать от высших служителей алтаря призыва встать на защиту трона, когда носитель императорской власти самоустранился, зная, что в России не было в тот момент политической и военной силы, готовой бороться за сохранение его прерогативы. Позиция Синода свидетельствовала не об отрицании монархии и предпочтении республиканской формы правления, а о нежелании погнубить вместе с самодержавием, о прагматичном стремлении к поискам способа существования в новой политической системе.

Такой расклад способствовал компромиссу в отношениях между церковью и правительством. Обе стороны стремились к изменению статуса церкви, но представляли его себе по-разному. В.Н. Львов говорил об этом на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян в июле 1917 г.: «Я ясно сознавал, что, пока епископат не пойдет по пути к церковной свободе, пока священники не сживутся с приходами в новых условиях времени, исцеление старых недугов церковной жизни — это только мечта». Если новый обер-прокурор видел «первую свою задачу» в том, чтобы «широко открыть двери движению в сторону обновления церковной жизни», то «старый состав Синода свободу понимал в том смысле, что он получил всю власть

действовать, как ему хочется» (с. 196, 197). Подчёркивая уважение к церкви, идя на некоторые уступки, Временное правительство проводило свою конфессиональную политику, понимая, что в церковных кругах господствует традиционализм, чтобы не сказать косность. Это направление не случайно восторжествовало на Поместном соборе 1917—1918 гг. Использование старых методов управления и контроля диктовалось необходимостью изменения ситуации в церкви, прежде чем доверить ей важные преобразования.

Яркий пример расхождения взглядов и интересов правительства и Синода — решение вопроса о приходских школах, любимом детище знаменитого царского обер-прокурора предреволюционной поры К.П. Победоносцева, идейного вдохновителя политики Александра III и Николая II. 20 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление о передаче церковно-приходских школ и всех материальных средств, пускаемых на их нужды, в ведение Министерства народного просвещения (с. 199). В развитие этого постановления, освобождающего начальное образование от церковной опеки, Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения разработал законопроект, объявлявший обучение Закону Божию необязательным для учащихся, хотя при этом подчеркивалось, что возможность такого обучения должна быть обеспечена «в учебных заведениях всех типов, кроме высших учебных заведений» (с. 160, 161). Эти меры вызвали недовольство церковных кругов, нашедшее выражение сначала в представлении обер-прокурора Святейшего синода Временному правительству от 9 июля 1917 г. (с. 305), а затем и в определении Поместного собора Православной российской церкви «По поводу правительственного законопроекта о церковно-приходских школах». Там говорилось, что указанная мера «причиняет большой вред Православной церкви в её христианско-просветительской деятельности, внезапно отнимая у православных приходов незаменимое средство выполнять своё важное назначение» (с. 239).

Временное правительство проводило свою линию, не желая бросать вызов церкви. В этом отношении характерны дипломатичные формулировки важнейшего акта его конфессиональной политики — постановления «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. (с. 85, 86). В его ст. 1 не провозглашается прямо право на неверие, речь идет лишь о свободе «убеждений в делах веры». Только из содержания ст. 4 становится ясным, что гражданам Российского государства, достигшим 14-летнего возраста, предоставлялось не только право свободного выбора веры и перехода из одного исповедания в другое, но и возможность «признания себя не принадлежащим ни к какой вере».

Назначение богослова и философа А.В. Карташёва, окончившего Петербургскую духовную академию, служившего в ней в 1900—1905 гг. и покинувшего академию из-за разногласий с ректором — епископом Сергием (Старогородским), не привело к смягчению линии Временного правительства, к ориентации на соглашение с церковью. Скорее, наоборот. В этой связи любопытно сравнить некоторые документы, приводимые в сборнике. В программе партии Народной свободы, одобренной её IX съездом (23—28 июля 1917 г.), Православная церковь признавалась «институтом публично-правового характера, которому государство оказывает покровительство в законе и материальную поддержку». Поэтому она «пользуется первенством почёта во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии, и в публичных богослужебных действиях» (с. 455).

³ Бабкин М.А. Указ. соч. С. 198.

У последнего обер-прокурора, ставшего 5 августа 1917 г. министром исповеданий, были иные взгляды. А.В. Карташёв изложил их, ещё не будучи облечен официальными полномочиями, в письме Временному правительству от 13 марта 1917 г., написанном от имени Петроградского религиозно-философского общества, председателем которого он был. В письме говорится, что «основное начало, которое должно определять отношение нового государственного строя к Православной церкви, есть отделение церкви от государства», оно есть не только политический вывод из программы нового правительства и условий его возникновения, но и единственная гарантия свободы совести». «Совет религиозно-философского общества, — читаем далее, — не может не указать на непоследовательность действий обер-прокурора Синода, в которых сказалось недостаточно ясное проведение начала отделения церкви от государства» (с. 177, 178). А.В. Карташёв остался верен этой позиции и заняв ключевой пост в сфере государственно-конфессиональных отношений. В интервью газете «Русское слово» 18 августа 1917 г. он подчеркивал «необходимость коренным образом реформировать» церковное управление и церковный быт «применительно к началам свободного строя» и ожидал более радикальной формы преобразований «применительно к ожидаемым новым основным законам, имеющим явиться в результате Учредительного собрания» (с. 223).

Июльские изменения в составе Временного правительства означали поворот не вправо, а влево. Церковные консерваторы чувствовали это. Не случайно один из участников делегации Поместного собора, направленный для переговоров с А.Ф. Керенским, вынес из встречи с министром-председателем впечатление, что «нить, связующая государство с церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась»⁴. В этой связи представляется более убедительной следующая общая оценка конфессиональной политики, данная

⁴ Цыпин В. История русской православной церкви 1917–1990. М., 1994. С. 27.

составителем книги: «Эта политика, не лишённая непоследовательности и противоречий, была направлена на постепенное преобразование России в светское правовое государство, в основе которого лежат принципы полной вероисповедной свободы, равенства всех религиозных объединений перед законом и равноудалённости их от государства» (с. 43).

Именно такой вывод напрашивается из рецензируемого издания, которое представляет собой не механическое соединение документов, расположенных в хронологическом порядке, а подлинно научное, тщательное и глубокое исследование, автор которого предпочёл остаться в тени, чтобы дать читателю возможность вывести собственные заключения. Работа А.М. Бабкина заинтересует не только специалистов и любителей истории. Это — весомый вклад в обсуждение проблемы светского государства, приобретшей в последние годы остроту в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 198.
2. *Цыпин В.* История русской православной церкви 1917–1990. М., 1994. С. 27.

REFERENCES

1. *Babkin M.A.* Svyashchenstvo i Carstvo (Rossiya, nachalo XX v. — 1918 g.). Issledovaniya i materialy. M., 2011. S. 198.
2. *Cypin V.* Istoriya russkoj pravoslavnoj cerkvi 1917–1990. M., 1994. S. 27.

THE FIRST STEPS OF RUSSIA TO THE SECULAR STATE

**THE CONFSSIONAL POLICY OF THE PROVISIONAL
THE GOVERNMENT OF RUSSIA: collection of documents / comp., ed. preface
and comment. M.A. Babkin. M.: Political encyclopedia, 2018. 558 p.
(Reviewers: Doctor of History V.V. Zhuravlev, Doctor of History M.V. Zelenov,
PhD in History I.I. Kudryavtsev, PhD in Law N.V. Krotkova)**

© 2019 O. V. Martyshin

Kutafin Moscow state law University (MSAL)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Received 11.01.2019

The review of the collection of documents “Confessional policy of the Provisional government of Russia”, compiled by M.A. Babkin — a well-known expert on the history of Church-state relations in Russia, draws attention to the value of this publication. The reviewed edition is not a mechanical combination of documents arranged in chronological order, but a truly scientific, thorough and in-depth study, the author of which preferred to remain in the shadows to give the reader the opportunity to draw his own conclusions. The Work of M.A. Babkin will be interesting not only for specialists and history buffs. This is a significant contribution to the problem of the secular state, which has become acute in the Russian Federation in recent years.

Key words: confessional policy, Provisional government of Russia, religion, state, Church.

Сведения об авторе

МАРТЫШИН Орест Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Authors' information

MARTYSHIN Orest V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of theory of state and law of the Kutafin Moscow state law University (MSAL)